

В тяжких, беспросветных снах Лин Цзыхань словно оказывался в аду: со всех сторон на него кидались искажённые злобой лики демонов и призраков. Обладая его навыками и отвагой, встретить он призрака среди бела дня — не задумываясь, запустил бы в него сапогом, ни капли не струсив. Но теперь во сне его обливало холодным потом, он отчаянно пытался вырваться, а тело не слушалось. Он лишь смотрел, как эти исчадия с хриплым смехом тащат его во тьму, всё глубже, в ещё более чудовищную бездну.

Он очнулся, весь в липком поту, и чувствовал себя куда более измотанным, чем до сна.

Без всяких приборов он отчётливо ощущал: некогда цветущее дерево его жизни медленно, но верно увядает.

В комнату быстро вошли Антино и двое седовласых врачей. Во взглядах их мелькнула тревога — вероятно, они опасались, как бы эксперимент не сорвался на полпути.

Лин Цзыхань не испытывал ни малейшего интереса к их визиту. Какое-то время он безучастно смотрел в потолок, потом снова закрыл глаза.

Антино с врачами тихо переговаривались.

— Так больше нельзя, нельзя позволять ему спать...

— Вдруг уже не проснётся...

— Психические проблемы уже серьёзные...

— Раньше у испытуемых в основном развивались шизофрения или маниакальные состояния, а у него больше похоже на глубокую депрессию. Это тоже ненормально...

Их шёпот, то возникая, то затихая, долетал до ушей Лин Цзыханя, но тот лежал недвижимо, словно не слыша ни слова.

Спустя некоторое время Антино подкатил на коляске к кровати, положил прохладную ладонь на лоб Лин Цзыханя и мягко позвал:

— Джонни, Джонни.

Лин Цзыхань с усилием приоткрыл глаза, взгляд его был мутным.

Антино увидел, что в этих глазах, некогда полыхавших гневом и непокорностью, теперь застыла лишь глубокая скорбь.

Он слегка опешил. Его обычный, холодный голос стал мягче, терпеливее, полным участия — точь-в-точь как у врача у постели умирающего.

— Джонни, как ты? — тихо спросил он. — Немного лучше? Что чувствуешь?

Лин Цзыхань и сам не осознавал, какой взгляд у него сейчас. Он чувствовал лишь всепоглощающую усталость, в голове стоял гул, а голос перед ним звучал будто из-за нескольких плотных занавесок — невнятно, глухо.

Он сделал несколько глубоких, тяжёлых вдохов, пытаясь собрать в кучу своё разболтанное нутро, но почти безрезультатно.

Глядя на лицо склонившегося над ним человека, он, не думая, спросил:

— Антино, расскажи о своей семье. У тебя есть любимый человек? Кем были твои rodi? Тоже врачами, как ты?

Антино, видя его пустой, блуждающий взгляд и отрешённое выражение лица — будто тот и сам не понимал, что говорит, — обернулся к двум специалистам. Один из них был опытным клиническим психологом, и тот тут же кивнул.

Антино повернулся обратно, слегка наклонился вперёд и заговорил мягко:

— Я родился на Сицилии...

Голос Антино постепенно расслаблял скованное тело Лин Цзыханя, нахмуренный лоб его медленно разглаживался.

Психолог немедленно сделал Антино знак: эффект есть, продолжай.

— В последние годы там беспокойно, по ночам часто слышна стрельба. Мои родители были врачами, они просто спасали жизни, не вдаваясь в то, кто прав, кто виноват. Однажды ночью в наш дом ворвались несколько человек с автоматами. Они убили моих родителей, а меня изувечили. Судя по их ругательствам, всё из-за того, что отец спас какого-то дона, которого они хотели убить. Потом этот дон прислал людей нам на помощь, но они опоздали. Спасли только меня, но я остался калекой... Позже дон отправил меня учиться медицине, чтобы я, как и родители, стал врачом. Сначала я выбрал нейробиологию, хотел разработать технологию восстановления нервов — встать на ноги. Потом понял, что своё заболевание мне, скорее всего, не вылечить, и переключился на исследования в области нейронного кодирования... Джонни, я ненавижу тех, кто убил моих родителей. Ненавижу эту бесконечную борьбу. Я хочу полностью перестроить человеческое сознание. Чтобы мир стал мирным и спокойным. Чтобы все жили в достатке и гармонии, без недовольства, без ненависти, без преступлений и убийств.

Сначала голос Антино был глухим и неохотным, будто ему неприятно было вспоминать прошлое, но ради эксперимента он был вынужден говорить. Однако, коснувшись своей мечты, он сразу оживился.

— Джонни, у меня нет возлюбленной. Или, скажем так, мой исследовательский проект — это и есть моя возлюбленная. Он будет со мной всю жизнь, до самого конца. Джонни, если говорить откровенно, в каком-то смысле ты и есть моя возлюбленная. Мы вместе идём к этой великой цели. Джонни, ты должен собраться. Я люблю тебя. Мы все тебя любим. Путь, возможно, будет трудным и мучительным, но мы будем с тобой. Ты не один. Понимаешь? — Глаза его вновь зажглись тем знакомым лихорадочным блеском, будто он хотел этим пламенем растопить лёд, сковывавший Лин Цзыханя.

Рука Лин Цзыханя медленно выползла из-под одеяла.

Антино взглянул и вдруг понял. Он поспешно протянул свою руку и взял его ладонь.

Силы у Лин Цзыханя почти не оставалось, но он всё же слабо сжал пальцы Антино.

Тот явно обрадовался, наклонился ниже и с нетерпением спросил:

— Джонни, как самочувствие? Посвежел?

Лин Цзыхань закрыл глаза и тихо выдохнул:

— Мне гораздо лучше. Спасибо, Антино.

Губы Антино приблизились к его уху, и он, полный надежды, спросил:

— Тогда мы можем начать эксперимент?

Рука Лин Цзыханя дрогнула, затем снова сжала его пальцы. Он сказал спокойно:

— Да. Можно начинать.

Антино обернулся к стоящим рядом:

— Немедленно готовьтесь. Следующую фазу испытаний начинаем сегодня вечером.

— Хорошо, — кивнули врачи и вышли.

Только тогда в комнату вошёл Хайнц. Он нежно погладил плечо Антино, и они оба уставились на человека, лежащего в постели.

— Ты уверен, что он выдержит? — тихо спросил Хайнц.

Антино убрал руку Лин Цзыханя под одеяло и холодно ответил:

— Ждать больше не могу. Посмотрим, повезёт ли нам. Думаю, наш столь быстрый прогресс во многом связан с той древней восточной практикой, которой он занимался. Если не выдержит — перенесём базу в Среднюю Азию. Надо найти больше таких, как он, и продолжить опыты.

— Без проблем, я согласен, — Хайнц улыбнулся. — Вообще, после того как мы отпустили Оуян Хаошэна, это место уже пора сворачивать.

Антино развернул коляску и направился к двери, бросив на ходу вопрос:

— Выяснили настоящую личность этого парня? Есть подозрения?

— Пока ничего подозрительного. Его издательство считает, что он пропал в Алжире, уже обратилось в китайское посольство, чтобы подключили местную полицию. Всё выглядит абсолютно нормально, — Хайнц шёл рядом, неспешно выходя из комнаты своим длинным шагом. — Логично предположить, что никто не станет посылать своего человека на верную смерть. Да и сам он вряд ли на это пошёл бы. Взять того же Джонни — выдержал два раунда, понял, что больше не может, и сам предложил сотрудничать. А этот парень всё лежит, ничего не предпринимает: не пытается ничего разузнать, не лезет с расспросами. Совсем не похоже на поведение внедрённого агента. К тому же он уже на грани, а с китайской стороны — ни намёка на активность.

— Значит, это подарок, ниспосланный мне небесами, — уголок губ Антино дрогнул в подобии улыбки.

Хайнц расплылся в улыбке:

— Нет. Это мой подарок тебе.

Дверь закрылась за ними. В комнате снова воцарилась тишина.

Лин Цзыхань глубоко дышал, пытаясь накопить хоть крупицу сил.

<http://bllate.org/book/16287/1468683>